

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ
Цикл стихов

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат многих международных литературных премий, в т.ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. В. Пикуля (все — Россия) и др. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

* * *

Среди зловещей тишины,—
Ни Марс, ни Геба,—
Жена и небо мне нужны,
Жена и небо.

Года спешат по выражу
Под вспышкой дальней...
Жене и небу расскажу
Свой сказ печальный.

Забыв Бодлера и Басё,
Шепну натужно:
«Жена и небо — это все,
Что в жизни нужно...»

Ну а в небесную страну
Сведет потреба —
Хочу лишь, Господи, жену
Увидеть с неба.

Чтоб убедиться, как — боса,—
Бредет по краю.
И с болью смотрит в небеса...
Зачем?.. Не знаю...

* * *

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжело гадаю,
Не поможет здесь даже Господь,—
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда —
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил — откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью объятый,
Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток... На восток...
Но не зрится в прозрениях редких,
Что подобны на детский наив,—
То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в непроявленной дáли
Растворяются тени теней,
Чую — токи идти перестали,
А вокруг все — мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохляя гать,
И все Бога пытаю: « Я — божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»

* * *

Нынче небо журавлит и плачет,
А назавтра снова журавлит.
В сентябре мне слышится иначе
Папин голос из-под серых плит.

Он звучит немного глуховато:
«Что, сыночек?.. Истины не те?..»
И печаль подсвечником прижата
К надмогильной папиной плите...

Глеет мусор в выкопанной яме...
И в промозглый, меркнувший зенит
Все летит душа за журавлями,
В белом оперении летит...

* * *

Звук обронил и не поднял
Дальний, невидный певец.
Кто это вышел в исподнем?..
Мне показалось — отец...

Пальцем в забытое тычет,
Палец и худ, и остёр.
Полночь... Кого он там кличет?..
Мне показалось — сестер...

Скрылся... И с мертвыми косит.
Больше не явит мне плоть.
Кто это хлебушка просит?..
Мне показалось — Господь...

* * *

— Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запихну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову...
Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...»
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объемист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пестрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию —
что еще нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
На этом закончим беседу...»
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

* * *

По хлипкой тропинке брести осторожно...
Былое размылось... Выдумывать — лень...
Неправда, что на сердце так же тревожно,
А правда лишь то, что зачала сирень.

Неправда все эти слова о разлуке,
О вечной судьбе, что одна на двоих.
Неправда, что помнят озябшие руки
Тревожащий трепет ладоней твоих...

Есть Черная речка, Нева и Непрядва...
И дождь, что за шиворот нехотя льет.
Есть Слово... И все остальное — неправда,
А правда, что птицам сегодня в отлет.

Неправда, что ждать остается немного —
Закрутит, сломает, ударит под дых...
А правда лишь то, что раскисла дорога,
Да ветер свистит в колокольнях пустых.

* * *

Уже и не начало века,
Уже давно в разгаре век...
Похож на призрак человека,
Бредет по свету человек.

И мы с ним обликом похожи —
И он не волен от причуд,
И я — обыкновенный прохожий...
Он только худ, а я — не худ...

Мы с ним столкнемся возле ГУМа,
На склоне сумрачного дня.
И враз подумаем угрюмо:
«Чего он смотрит на меня?..»

Но что-то есть в его походке,
В движеньях выцветших бровей
Такое, что стихает кротко
Нещадный ветер-суховей.

И чувствуешь — ты есть на свете,
Живешь, бессилие гоня,
Когда взревет рогатый ветер
И рог сломает об меня...

* * *

Закричала одна... Занедужил другой...
И какая-то странная сила

Закачала фонарь под шершавой дугой
И печальница заголосила.

А потом и березонька стала черна,
И последний журавль занедужил...
Лишь не гасла лампада в ночи дотемна,
Озаряя бесхитростный ужин.

Где-то поздние лучики плавил наст,
И печалило гаснувший разум,
Что журавль улетит, что Иуда предаст,
И все радости кончатся разом.

И все мучился, глядя в окно, человек,
И гадал в своей думе нескорой,
Для чего эта ночь?.. Для чего этот век?..
Для чего эта темень за шторой?..

Для чего этот крыльев тяжелый разлет,
Для чего эта сизость сквозная?..
А того и не слышал, что колокол бьет,
Все биеньем своим объясняя.

Рокотала в просторе старинная медь,
Проникая в заблудшую душу,
Хоть все думал несчастный, что не о чем петь,
Да и, в общем-то, некого слушать...

* * *

Никто-никто из нас — ни отпрыски Нерона,
Ни тот, кто ровен был, когда неровен час,
Ни тот, кто не стоял коленопреклоненно
Пред черным алтарем... Никто-никто из нас

Не понял, что за свет сошел на эти стены,
Откуда этот звук в безмолвии ночном,
Кто этот человек, вещающий со сцены,
Что надобно идти в безвестье, напролом...

И чьи это зрачки, сверкающие шало,
Что бешенством и злом до крайности полны,
Проявятся во мгле... И сразу мгла пропала...
Коснутся тишины... И нету тишины...

О, этот рокот дня среди непроглядной ночи,
О, эта пляска тьмы среди ветреного дня...
Ни сердце не поймет, ни ум понять не хочет,
Что пепел — это прах прозревшего огня...

Давно молчат басы, охрипли баритоны,
А в чаше для вина — прокисшая вода.

Остался светлый гул — загадочный, стозвонный...
Остался тусклый свет, зовущий в никуда.

* * *

Болит плечо... И мало кислорода.
Опять к утру в гортани горячо.

Сентябрь нудно каплет с небосвода...
Болит плечо.

Чадит луна — неверное светило,
И ширь неверным отсветом полна.
— А правда, что и ты меня любила?..
Чадит луна.

Сижу один... Все выключено. Тихо.
Едва дрожит свеча... Остыл камин.
Судьба пророчит хворости и лихо...
Сижу один.

Во тьме ночей все истинное — ложно.
Люби меня, я, в общем-то, ничей.
Опять душе молитвенно-тревожно
Во тьме ночей...

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ

Истоптали, вскопытили путь бытия —
Ни следа там оставить, ни вехи.
Все в тумане... Туманна Отчизна моя
Сквозь туманом омытые веки.

Но подвздошьем, подбрюшием помнится шлях,
Лай собачий, пинки да кандалы,
Одинокий стожок в потемневших полях
Да молчальницы взор одичалый.

Там неровная стежка уводит левей,
Чем «прогресса» дорожка кривая.
Там «Калинку-малинку» поет соловей,
Певчих ласково перепевая.

Ну а если в отлет соберутся грачи,
В свой отлет, ножевой и незрячий,
Понесутся во след им в тревожной ночи
Вековые осенние плачи.

Пролетят по-над стрехами наискосок,
Над простором, лелеющим жалость,
Там, где сыплются шишки на мокрый песок,
Где Отчизна промокла и сжалась.

И пока ты следишь этот стылый полет,
Сжав подмышкою зонтик дырявый,
Ветер кепку внезапным порывом сорвет
И забросит в листву у канавы.

* * *

Что-то вздрогнет в душе...
Подхвачусь... Побегу под навес,
Чтоб в блокнот занести
 отражение редких прозрений.
И откликнется мне
 в своем вечном безмолвии лес,
И откроются мне
 к серым стенам приросшие тени.

Что беседовать с тенью?
Я тоже сегодня, как тень.
Мои близкие люди
 давно уже стали теньями.
Не поддайся печали
 и женщину взглядом раздень
Так, чтоб странная искра
 взахлеб заметалась меж нами...

И от искорки этой
 в ночи запылает костер...
В стороне от костра
 закричит говорливая птаха.
Сам собой возгордишься —
 мол, все же не тать и не вор,
Может, и не лихой,
 но испытанный парень-рубаха.

Пусть картавая темень
 разводится белым вином,
Пусть три жалких аккорда
 опять дребезжат о разлуке,
Пусть свеча догорела
 и все в этом доме вверх дном —
Я могу целовать эти тонкие белые руки.

И останутся нежность и женщина
 в сумраке дней...
Извиваются руки,
 как в небе неслышная стая.
Все забудется, знаю...
 Лишь тени забытых теней
Шевельнутся порой,
 что-то в стылой душе пробуждая...

* * *

Привык рубить сплеча
Да без помарок.
Я думал — ты свеча,
А ты — огарок.

Все вышло, как всегда,
Как повторенье.
Я думал — ты звезда,
А ты — затмение.

Бреду по мостовой
В день суховейный.
Я думал, что я твой,
А я — ничейный.

Во сне иль наяву,
Средь лжи и шума,
Я думал, что живу...
Напрасно думал.

* * *

Я иду по земле...
Нынче солнце озябло...
Перепутались косы на чахлой ветле.
За спиною —
котомка подобранных яблок,
И я счастлив, что просто иду по земле.
Что могу надыхаться —
без удержу, вволю,
Что иду, отражаясь в болотце кривом,
Мимо русского леса,
по русскому полю,
Где мне русский журавлик
помашет крылом...

* * *

Снова колокол бьет
над нелепым, мрачнейшим миром,
Снова странен и страшен его вразумляющий зык.
Кто придет и воздаст
за напрасные муки кумирам,
Кто двуликому Янусу бросит: «Да ты же двулик?..»
Я не верю молве —
всех великих молва оболгала,
Я не верю толпе, что затопчет, а после — бежать...
Первый снег на дворе
раскатает свое покрывало
И по вспученным венам опять побежит благодать.

Как же сладостно — снег!
Как пронзительно — колокол слышен!
Как скворцы осторожно
 простор отдают снегирям!
Как же терпки слова
 с горьким привкусом мерзнущих вишен,
Как прозрачен твой образ, что я никому не отдам!..

И пускай отгорит,
 что еще отгореть не успело,
Пусть звучат голоса
 из-под серых кладбищенских плит...
Нынче колокол бьет... Благодать... И какое мне дело,
И какое мне дело, что завтра еще отгорит?..

Нынче колокол бьет...
 Что-то теплое гонит по венам.
Кто-то мимо прошел, на снегу не оставив следа...
И так жаждешь сказать
 о мучительном и сокровенном...
Но ведь колокол бьет...
 И не скажешь уже никогда...

* * *

Эта робкая сирость нищающих тихих берез...
Снова осень пришла... Все опять удивительно просто —
Если ветер с погоста печальные звуки донес,
Значит, кто-то ушел в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится... И женщину лучше не трожь —
Та похвалит соседку, потом обругает ее же...
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не дает успокоиться коже.

Только женские плачи все чаще слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю, не будет иначе —
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца... Почувствуешь — вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжелой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесется, слепя
Обитателей теплых и похотью пахнущих спален...
И звезду пожалеешь... И не пожалеешь себя...
Да о чем сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?

* * *

Расстегнутый ворот... Спешу — не спеши,
Уже ничему удивляться не надо,
И тихая боль одинокой души
Не тише, чем шепот уснувшего сада.

И каждая буква, как полустон,
Что в горле твоим же рыданьем задушен.
И в мире уже ни концов, ни сторон,
А только одни заплутавшие души.

Им больно вставать со скрипучих колен
И больно нести пустоту и усталость...
И гул не идет от натруженных вен,
Где в тусклой крови и мечты не осталось.

Лишь утлая лужа звездами полна
Да клекот сменил соловьиное пенье.
А были ведь песни на все времена...
Но то времена... А теперь безвременье...

* * *

По русскому полю, по русскому полю
Бродила гадалка, вещая недолю.
Где русская вьюга, там русская вьюга,
Там боль и беда подпирают друг друга.
Там, слыша стенанья, тускнеют зарницы,
Пред ворогом там не умеют клониться.
Там ворон кружит, а дряхлеющий сокол
О небе вздыхает, о небе высоком...

О, русское поле! Гадала гадалка,
Что выйдет мужик, и ни шатко ни валко,
Отложит косу и поднимет булаву
За русское поле, за русскую славу.
И охнет... Но вздрогнут от этого вздоха
Лишь чахлые заросли чертополоха...
Лишь сокол дряхлеющий дернет крылами
Да ветер шепнет: «Не Москва ли за нами?..»

О, смутное время! Прогнали гадалку...
И в Храме нет места ее полушалку.
Кружит воронье, а напыщенный кочет
О чем-то в лесу одиноко хохочет.
Аль силы не стало? Аль где эта сила,
Что некогда ворога лихо косила,
Что ввысь возносила небесные Храмы?..
Куда ни взгляни — только шрамы да ямы.

Лишь пес одичавший взирает матёро,
И нету для русского духа простора.
В траву одиноко роняют березы
Сквозь русское зарево русские слезы...

* * *

Детство... Палочки, буквы, счеты,
Хитрый соседский кот.
Папа скоро придет с работы,
Мама блины печет.

С папой рядом — никто не страшен,
С мамой — светлее свет.
Есть морковка... И быт налажен.
Жалко, картошки нет.

«Сам читаешь? Заплакал? Что ты? —
Девушка оживет...»
Папа скоро придет с работы,
Мама блины печет.

Две липучки... А на карнизе
Ткет свою сеть паук.
«Вдруг к Октябрьским цены снизят,
«выбросят» масло вдруг?...»

Детство, где ты? В сто тысяч сотый
Раз про себя шепчу:
«Папа, папа, вернись с работы...
Мама, блинов хочу...»

* * *

Смотрит обозленно,
Не дает покоя...
Что глядишь, ворона?
Это что такое?

Села на березу,
Что напротив окон,
И глядит с угрозой
Беспросветным оком.

Ветви между нами,
Форточка без щели...
Не взмахнет крылами,
Только клювом целит.

И сейчас, похоже,
Каркнет хриловато:
«Улетай, бескожий,
Улетай, проклятый!...»

Игорь Лукьянов

(г. Борисоглебск Воронежской области)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Известный современный русский поэт, автор четырнадцати стихотворных книг, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, постоянный автор «Приокских зорь».

* * *

Ветер завихрит
весеннюю пыль.
Завертит
обрывки газет.
И вздрогнет
в душе моей
вечная быль,
которой названия нет.
Ни в прозе она.
И ни в стихах.
Сюжет?
Его тоже нет...
Как грустен
весенний
радостный свет
на обожженных снегах...

* * *

Куда, родимая страна,
Отринув истину о братстве,
Без цели ты устремлена
При узаконенном богатстве
Одних и нищете других.
Какую долю выбираешь,
Когда иудам позволяешь
Стоять у алтарей твоих.

* * *

Отцвели в низинах вербы.
Гонит волны луг.

Облака летят на север.
Журавли — на юг.
Снова лес вдали — зеленый.
И река — полна.
Вновь я сердцем преклоненный
Пред тобой, весна.

ФУТБОЛ — 2016 г.

Из «Динамо» и «Спартак»
Три ударных ушли игрока.
А ушли они
 прямо в «Зенит»,
Где погромче
 монета звенит.
Как не строй
 объяснения тут.
Нетто с Яшиным
 их не поймут...

* * *

Безумных лет...

А. С. Пушкин

Сад мартовский.
Туман.
И перехватит горло,
Когда из глубины
Провалов и побед
Прорвется
 той
 трубы
Серебряное соло,
Какая пела мне
Во дни
 безумных
 лет...

* * *

Скрипит фонарь. Осенний вечер.
Блестит асфальт — дожди, дожди.
Семнадцать мне. Влюблен, как Вертер.
И слава Блока впереди.
Ненастьем улицу качает,
Но стоек мой максимализм.
Страна еще стихи читает.
В стране еще — социализм...

СЕВЕРНЫЙ МОТИВ — 2008 ГОД

Гремят составы на Архангельск.
Вывозят лес — не дребедень.
Поморским золотом сверкая,
Летят вдоль черных деревень.
И смотрит ледяное небо,
А с ним — помор под рельсов дрожь,
Уныло и окаменело
На этот северный грабеж.

ГОРОД ДЕТСТВА

Кирсанов. Зной. Степная сторона.
Над крышами небес голубизна.
И грохотали «МиГи» в небе том.
По одному гремели и звеном.
Кирсанов. Зной. Степная сторона.
И восемь лет, как кончилась война.
Зеленый двор. На клумбе кот Маркиз.
Сверкали крылья, гром швыряя вниз.
Я знал — летят: отец, его друзья.
И эта сила — родина моя.

ПРИМЕТА

Гремел пророк.
Небесные идеи
О правде,
О добре —
В земных словах...
Тончайшие улыбки
Фарисеи
Змеили на потомственных губах...

ИЗ ЮНОСТИ

В. Пушкиву

Привокзальная шпана.
Срок тянули. Выходили...
На перроне пиво пили.
Поезда гнала страна —
Уголь шел. Летела нефть.
Грузы родины великой.
Было весело глядеть
С полудетскою улыбкой
На размах страны родной.
Хоть и были — тюрьмы, зоны...
Сотрясалась твердь перрона
Государственной стопой...

ПЕСНЯ

Был тот голос живой
Иль была то — «фанера»,
Я не думал о том.
Жег мне душу тогда
Этот лживый надрыв:
«Господа — офицеры!»
Офицеры — то верно,
Но причем — «господа»?
У них нету усадеб,
У них нету поместий.
Родом все из рабочих.
Родом все из крестьян.
Но потомственной
Праведной
Воинской чести
В них не меньше
Чем в тех,
Кто из знатных дворян.
Нет.
Россию
На бело- и красногвардейцев
Не хочу я делить:
Примирили года.
Но зачем же
В Чапая гоняющих в детстве
Глупой моде в угоду
Низводить в «господа»...

МЕГАПОЛИС

Юрию Кузнецову

— Дело швах, — он думал. — Дело швах.
Оттого в глазах весь день нули.
За окном, как тыщи черепак,
Лимузины черные текли.
В каждом лимузине — черный икс.
На руле — вальяжная рука.
И поток машин ревет, как Стикс, —
Безнадеги та еще река.

* * *

На черных крышах деревень поморских,
Где в полный рост —
Тупик и нищета,
То здесь, то там
Грибами из навоза —
Телетарелок белых лепота.
Такие у реальности гримасы...

И в «ящиках» всю на фоне их
Народные шуты и...
Тусуются на шабашах своих.

* * *

Одному бы
Сдаться на потребу
Всех земных пороков и страстей...
А другому —
Посмотреть бы в небо
С гулким криком
Русских журавлей...

ПРОРОК

Пророк с мощной
Ущербен, как порок.
И как бы
Не старался быть пророком,
Какие бы прозренья не изрек —
Все это,
Как гроза по водостокам.
Там, где телец,
Там выгода
И страх
Лишиться напрочь
Зрелищей и хлеба.
Пророк издревле тот,
Кто бос и наг,
И у кого одно богатство —
Небо...

* * *

И кто мы такие «в натуре»,
Земляк — и не враг, не дружан.
Сегодня трясемся о шкуре,
А завтра — идем на таран.
И как бы судьба не ломала —
Мы песен чужих не поем.
Пусть морщится темная сила —
Гори она синим огнем...

ЛЕТО

В огородах
дух укропа.
А над грядкой —
в огурцах
задрала
соседка...

И... восстал
у молодца...

* * *

Ромео нет
И нет Джульетт.
Нет эвридик
И нет Орфеев.
Есть
Из путан, блядей и геев
Телеэкранный
Сексбукет.

* * *

Когда из трубки телефонной
В упор ударила беда.
В нем часть души, как фото пленку,
Вмиг засветило навсегда.
Он что-то говорил потерянно.
Потом потерянно молчал.
Нехорошо скрипело дерево
За форточкою по ночам...

Виктор Злобин
(г. Москва)

МЫСЛИ СЕГО ДНЯ

Злобин Виктор Андреевич — поэт, публицист, член Академии российской литературы. Многие годы работал спецкорреспондентом «Комсомольской правды», других центральных изданий. Десятилетие отдано службе в Администрации Президента РФ — ее юридическом издательстве. Но настоящей «музыкой души» была поэзия. Автор книг «Песня сего дня», «Я с миром общаюсь по-русски», «Ключи моего сердца», «Краски», ряда коллективных сборников. Публикуется на страницах Международного журнала «Форум», литературного альманаха «Московский Парнас», других изданий.

НАШ ВЕК

Столетье сплавилось в журнале
По всем статьям в единый стаж.
И строчки — из цветов и стали
Сплелись в бессмертный репортаж.
Быть может, кто-то и уловит
В словах несовременный тон;
Пусть не смеется, не злословит,
То — музыка его времен.
Той музыке он без остатка
Все силы отдавать был рад.
Его дворцом была палатка,
Его иконой — Сталинград.
Та музыка подобна коду
Величья родины его,
Где Космос гимны пел народу
Устами Бога самого...

И если небо нынче спросит:
В разведку с кем пойти готов?
Пойдет не с теми, кто поносит
Предательски своих Отцов.
Не с тем плутом и ренегатом,
Кто смел историю чернить,
И за серебреник Пилату

И Ироду горазд служить...
Разносит ветер пересуды,
Народ на краски скор и лих.
Блуждают по миру иуды —
Веревки с мылом нет на них...
Но сгинет тьма! Тому порукой —
Планету разбудивший век
И, закаленный крестной мукой,
От сна восставший Человек.

ДЕРЕВНЯ

В содомии с бездушными масками
Не заметил, как время прошло.
Утомленный вконец телесказками,
Из столицы махнул я в село.
Колыбель ты моя неоглядная,
Разметались глаза вдаль и вширь.
Где гуляла гармонь однорядная,
Там в крестах, как в колючках, пустырь.
Величался колхоз «Красным пахарем».
Колосились под солнцем овсы.
Городским ловеласам и хахалям
Мы не раз утирали носы.
Выпекались тут хлебы душистые
И парное текло молоко.
Хороводы девчат голосистые
Опьяняли — светло и легко.
Где красавицы наши колхозные?
Ни доярок теперь, ни коров.
Повилика ест кучи навозные.
Воронье — на костях тракторов.
Кои лета уж травы некошены,
И в руинах дворцы для скота,
И дороги, и пашни заброшены,
И кругом — нищета, нищета!..
В содомии с бездушными масками
Не заметил, как солнце зашло.
Утомленный вконец телесказками,
На коленях молюсь за село.

ИЗМЕНА

Итак, все скомкано, все смято.
Они явились тут и там.
Что было дорого и свято,
Отброшено ко всем чертям.
Смотрю на компас, он как прежде
Упрямо кажет: север — юг.
И мне, советскому невежде,

Не верится в измену — вдруг.
Сжимаю пистолет — заряжен.
В кого пальнуть: в него, в себя?
Вопрос фемидой не отлажен,
И я всплакнул, врага любя...
Утихнет боль. Уйдет смятенье.
Моя Россия, я — с тобой.
Я верю, чудо возрожденья
Тебе означено судьбой!

РАЗРУШЕНИЕ (по версии ветерана)

Союзу трудно было. Как Христос
Он людям веру в будущее нес,
Страдал, боролся, звал вперед, покуда...
(Где сад шумел, теперь обломков гряда).
Роптали изумленные народы,
Россию бил озноб у алтаря,
На десять лет она вместо свободы
Попала в плен бедового царя.
И если, внук, услышишь ты когда-то:
«Им не удался социальный рай...»
Да, это так. Но почему, ты знай:
Чем выше Храм — коварней геростраты.

СЕРДЦЕБИЕНИЕ

Что за дивное диво — поэзия...
Для кого-то — любовь и печаль.
Для кого-то — хождение по лезвию,
Когда жизни постылой не жаль.
Те ликуют: Икары могучие
Разметали простор голубой.
Те взволнованы: слезы горячие
Льются тайно над чьей-то бедой.
Ну а этот, со взором пылающим,
Суждено ему в бездну упасть.
И откроется всем умирающим:
Выше смерти — безумная страсть.
Время съест пирамиды и мумии,
Все сокроет туманом и мглой.
Но высокие звезды безумия
Будут вечно светить над землей.
Пусть в миру — кутерьма и распутица.
Погоди, не спеши ты к реке,
Все увидит, поймет и заступится
Муза мудрая с кружкой в руке;
И обнимет как облако нежное,
Унесет в синеокую даль,

И прольется, как радость безбрежная,
Смоет с сердца тоску и печаль...
Разве есть у кого-то сомнение,
Что поэзия — ритмы, стихи —
Человечества сердцебиение,
Где божественны даже грехи?..

ТАЙНЫ СОНЕТА

Улыбкой легкой светится название.
Классическая форма, что хрусталь.
Но главное, конечно, содержание:
Приподними, красавица, вуаль.
Тут все слилось в единое дыханье.
Что ни строка — восторг или печаль.
И радость встреч, и горечь расставанья,
И взгляд, зовущий в розовую даль.
Сюда стихи приходят не от скуки.
Смотрите, как пульсирует в них кровь:
Им автор поверяет свои муки...
Прекрасны тут коварство и любовь,
И поцелуй — как высшая награда.
Скажите, а чего еще вам надо?..

Валерий Виноградов
(г. Алексин Тульской области)

Родился в Казахстане в 1948 г. Жил и учился в Туле, где в 1971 году окончил горный факультет Тульского политехнического института. Вся трудовая деятельность прошла на шахтах Подмосквовного угольного бассейна. На них отработал 31 год, начиная с горного мастера и до главного инженера и директора шахты «Никулинская» вплоть до ее закрытия в 2003 г. Труд в угольной промышленности отмечен знаками «Шахтерская Слава» трех степеней, а также званием «Почетный работник угольной промышленности», «Почетный работник топливно-энергетического комплекса России» и другими. Издано три поэтических сборника: «Надо жить» (2006 г.), «Река времени» (2008 г.), «Берега» (2013 г.). Печатается в областных и московских альманахах: «На крыльях Пегаса» (Тула), «Ковчег» (Тула), «День тульской поэзии» (Тула), «Созвучие» (Москва), «Московский Парнас» (Москва). Является членом литературных объединений «АЛЛО» (Алексин), «Пегас» (Тула), Московского Совета ЛитО (Москва).

ВЕЧЕР

Вечер, хмурый господин,
Заглянул в окно.
За столом сижу один,
На столе вино.
Скатерть белая в цветах
И огонь в печи,
А душа-то вся в шипах:
Давит боль в ночи.

Выйду молча на крыльцо —
В небесах звезда.
Ветер дует мне в лицо,
Будто в те года.
Сто исхоженных дорог,
Тяготы в пути,
Положу я на порог —
Мимо не пройти.

А проснувшись поутру,
Слыша детский смех,

Душу всю перетряхну,
Отмолю свой грех.
И уйдет тоска-печаль
В тридевять земель,
Открывая снова даль,
Где звенит капель.

Вечер полог опустил
И закрыл мой дом,
Все, что было, не забыл,
Не покрылось мхом.
Буду журавлем лететь
К будущей весне,
Буду песни снова петь
О любви к тебе!

МОЯ ДУША

Летит моя душа
Без страха и унынья,
Над пропастью кружа,
К тебе, расправив крылья.

И будто бы с небес
Ко мне слетают звуки,
И легче тяжкий крест,
И сердце терпит муки.

О, сколько в жизни раз
На части душу рвали,
А слезы милых глаз
Дотла испепеляли.

Но не иссяк запал
И раны рубцевались,
И голос мой звучал,
Надежды возрождались!

Пока горит огонь
И солнце ярко светит,
Моя к тебе любовь
Сильней всего на свете.

Глаголы сердце жгут,
Слова слагают песни,
И вдвое легче путь,
Когда идем мы вместе!

* * *

Серое утро,
скрытая даль,

Ветер попутный
гонит печаль.

Все растворится
с пришлым дождем,
Боль испарится
пасмурным днем.

Вспыхнут нежданно
искорки глаз,
Сердцу отрадно
в сумрачный час.

Сквозь непогоду
и холода
Сброшу невзгоды
раз, навсегда.

Радость от взгляда
сил придает,
Что еще надо?
Сердце поет!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Белый снег безгрешный
Падает с небес,
Он накрыл неспешно
И поля, и лес.

Серебром искрятся
Склоны древних круч,
И лучи струятся
Из-за серых туч.

Вниз летят снежинки,
Всюду кутерьма,
Замела тропинки
Матушка-зима.

Восхищая взоры,
Взгляды веселит,
На окне узоры
До весны хранит.

Красит щеки холод,
Шум и звонкий смех,
Чувствуешь, что молод
И шутить не грех...

Владимир Сорочкин
(г. Брянск)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сорочкин Владимир Евгеньевич родился в 21 января 1961 года в Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах. Стихи переводились на белорусский, украинский и болгарский языки. Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое «да» (1997), «Завтра и вчера» (2005). Лауреат многих премий и дипломант многих конкурсов. Награжден медалями «За вклад в развитие города Брянска» (2013), «За особый вклад в книжное дело» (2015). Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства. Делегат XIII и XIV съездов Союза писателей России (2008, 2013) и Первого съезда Союза писателей Союзного Государства (Минск, 2009). Член Союза писателей России и Союза писателей Союзного Государства. Главный редактор альманаха «Литературный Брянск», выходящего на Брянщине.

КАКОЙ ПОРТНОЙ...

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь — жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

ПОТАЕННОЕ НЕБО...

Потаенное небо вишневого цвета
Разольет осторожно — волна за волной —
Теплый чай утонувшего в зелени лета —
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: таи — не таи...
Как горьки на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слезы твои.

Улыбнись! — и не будь так строга и предвзята.—
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мяту,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

ЗНОЙ

Дорога шла туда, где начинался зной,
И собственную тень притаптывали ноги.
Лес крался по бокам, и воздух слюдяной
Тлел над песком прямой, как долгий взгляд, дороги.

Вдоль просеки, едва покачиваясь, плыл
Свод сосен и берез, оттягиваясь мимо,
И радужница, сев в накатанную пыль,
Была, как все вокруг, — чиста и недвижима.

Все замерло на миг, протяжный, как юла
В движении своем на месте без запинок,
И бронзовый испод застывшего крыла
Сравнился с чешуей обветренных песчинок.

Казалось, что вот-вот, и лес, и высота
Смешаются, совпав в частицах и ионах,
Найдя единый тон, пролившись, как вода,
Вобравшая цвета от синих до зеленых.

Казалось, жар сейчас сомкнется, завладев
И всем и вся окрест — потерянно и слепо...
Но дрогнули крыла, и бабочка, взлетев,
Вернула на круги земную твердь, и небо...

СИРЕНЬ

О, как спешит сирень цвести,
Когда ночами бьет остуда.
Шепчу: «Прости меня, прости,
Мое нечаянное чудо...»

Пусть я ни в чем не виноват,
Но — посмотри, как — изнывая,
Сирень горит, слова горят,
Своей вины не сознавая.

Готов вобрать духмяный вихрь
Любой каприз, любую шалость,
Когда дыханье губ твоих
С небесным сумраком смешалось.

Как густ и сладок аромат
Цветенья, мая и печали.—
Мы столько лет уже подряд
Лишь этим воздухом дышали.—

Так неразрывны и просты
И бесконечны в дымке смутной
И эта жизнь, и май, и ты,
И этот день сиюминутный.

НА ОБЛАЧКЕ

Костер уже замрет вот-вот,
Погаснув без затей.
Гнездо из дыма птица вьет
Среди густых ветвей.

В такой глуши, в такую тишь
Исповедим покой...
Но никого не удивишь
Идиллией такой.

Цветенья яблонь. Полузной.
Огня дрожащий взгляд.
И откровенен — белизной —
Пропахший дымом сад.

А мы с тобой знакомы пять
Минут, а, может, лет,
Но всем словам моим не спрясть
Тебя и этот свет.

А день растет, как снежный ком,
И я в своей глуши
Тебя рисую угольком
На облачке души.

ЧЕРЕМУХА ЦВЕТЕТ

Как ночь черна! Черемуха цветет,
И кажется — за наименьем веры,—
Что в этом городке — наперечет
Знакомы мне все улочки и двери.

Я здесь — впервые. В мареве весны
Пусты глухие окна, как стаканы.
Спит городок. И сны ему тесны,
Но так наивны и благоуханны.

Лишь нависает влажною стеной
Черемуха, обрушиваясь в плаче.
Ты — далеко. Ты даже не со мной.
Ты — там, где все иначе. Все иначе.

Как ночь черна в углах зеленых ниш!
Как жжется запах, ластясь пеленою...
Я жду звонка. Сейчас ты позвонишь,
И эту ночь рассеешь надо мною.

ПУСТЬ ХОЛОДНАЯ ТЕНЬ...

Пусть холодная тень пробежит по судьбе,
Но лишь станут прочней нас связавшие нити.
Как легко каждый миг вспоминать о тебе —
Невесомой, как летнее солнце в зените.

Эти дни, словно сны пролетают, и в них
Остается надежда сияющим следом.
Как легко о тебе вспоминать каждый миг
Бесконечного дня, осиянного светом.

Не хочу ничего забывать и менять.
Не прервется горчащая память живая.
Как легко каждый миг о тебе вспоминать,
Нити солнца в волшебный клубочек свивая.

Сергей Редков
(г. Тула)

**ДО ГОРИЗОНТА ПОЛЕ
МОРЕМ БЕЛЫМ...**

* * *

До горизонта поле морем белым,
Увидеть это чудо поспеши:
Седой ковыль свои готовит стрелы,
По ветру оперенье распушив.

Упругий стебель гнется тетивою.
Впиваясь, в землю входят семена.
Кто научил тебя рождаться с боем?
Жестокие степные племена?

Копытами топтали, выжигали,
В крови топили росные луга.
Но травы, как и люди, выживали.
Назло завистникам, предателям, врагам.

С тех пор закат в кровавый цвет окрашен.
Но раны те затянутся к утру...
Седой ковыль, как память предков наших,
Кольшется, трепещет на ветру.

* * *

Солнце светом лето славит,
В небе — клинья журавлей.
Ноги тонут в разнотравье,
В жаркой пряности полей.

Цветом синим, желтым, алым
До краев простор залит...
Под цветочным одеялом
Павший воин крепко спит.

Нет, ему сейчас не снится
Тот последний страшный бой,

Ни кровавые зарницы,
Ни снарядов жуткий вой,

Ни бойцы в порядке стройном,
Что в той битве полегли —
Сны, как в детстве, дарит воину
Мягкая постель земли.

Снится: мать качает сына,
Сквозь пургу — родная речь,
Снится все, за что не стыдно
В жаркой схватке в землю лечь.

* * *

Божье дело — сеять семя.
Золотится в ниве злак...
Но свои оставим семьи,
Если в поле — силы зла!

Каждый вылезет из кожи
Чтоб спасти детей и мать.
Если это не поможет,
Мы рубах не будем рвать —

Мы тогда себя посеем:
Принимай, родна земля!
Павший воин — тоже семя.
Прорастем травой в полях!

Чтоб завязли в стеблях ноги,
Чтобы горечь — да в уста,
Чтоб забыл сюда дорогу
Всяк заморский супостат!

А потом — под мирным небом
Пусть растет над нами рожь.
Нашим детям хватит хлеба...
Ворог, Родину не трожь!

* * *

Ковыль и ветер...
К горизонту
Бегут в полях седые волны.
Над ними разыграли рондо
Литавры грома, эха горны
И цветомузыка грозы...
Не пряча в курточки носы,
Под ливнем разрезвились дети
(Их жизнь сейчас — ковыль и ветер,

Их жизнь — хрусталики росы).
Беспечные, в траве по пояс,
Бегут, промокшие, оравой.
Родители, беспокоясь,
Велят укрыться им в дубраве.
А в небе — гибких молний плети,
А в небе — рваной тучи след...
Моя страна — ковыль и ветер,
Ненастье в ночь
и вновь
рассвет...

Владимир Попович
(г. Самара)

Попович Владимир Александрович. Родился в 1988г. на Украине (Днепропетровская область). С 2002 г.— в России. Работает инженером проектной компании.

НОЧНОЙ РОМАНС

Ветер дрожит, ветер беснуется,
А душа спит под сетью огней.
Вот промелькнула последняя улица
Города прошлых загадочных дней.

Вешняя тьма, верное бдение.
Так всегда: что ни гавань, то брег.
Я покидаю былые владения
Доли моей, не простившись навек.

Только одно сердце, как водится,
Все болит и смеясь, и скорбя...
Ты не оставишь меня, Богородица,
Если я отрекусь от Тебя.

* * *

Как же мне вас примирить...
Все чаще на дальних встречаю холмах
Прообраз дракона о трех головах.
Одна в страшном гуле зовет, будто ввысь:
«Постой, отпусти меня или вернись!»

Другая, бесстрашно играя огнями,
Заклятую дружбу таит между нами,
Смеется и плачет с охотой живою
И кажется вовсе моей головою.

А третья, к чужим любопытствам сурова,
При встрече со мной не проронит ни слова.
Быть может, столь предан огням и дымам,
Я вспомню ее, приближаясь к холмам.

* * *

Если я доживу до весны,
Если сны перед явью честны,
Если, встречен последней звездой,
Поздним слухом во мгле различу:
«Не твори, не гори, не пророчь»,—
Уподобясь, дивясь палачу,
Что проникся безликой бедой,
Разрыдается гулкая ночь.
Отвернется, смущаясь, смутив,
Бледной тучей прикроет луну.
Я забуду вчерашний мотив,
Я затверженный сон прокляну,
Безответно уже не усну.
Только пусть эта ночь доживет,
Уходя, предрешит оборот.
Успокоятся тени в лесу.
Межпространственный скроется код.
Я прощанье с собой унесу.

* * *

Свободен буду, как шар земной:
Душе орбита его по силам.
Одною — солнечной стороной,
Другой — открытой иным светилам.
Раскован буду, как зелень трав,
Шумерской эры не чтя завета.
Правдивым буду, как вечно прав
Раскосый дождь на исходе лета.
Всевластен буду, как царь горы,
Расставшись с мантией и короной.
Незримым буду, но до поры,
В скольжение рыбой околонной.
Безмолвен буду, как лик небес,
И отдален, как под ними слизи,
Почти поверив: других чудес
Не существует помимо жизни.

Безмерен буду, пространства блеф
Разоблачая в тиши предместья.
Так вневременная пыль, осев
В случайных безднах, творит созвездья.

Бахытжан Канапьянов
(г. Алма-Ата, Казахстан)

НЕГАТИВ ДОЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг, вышедших во многих странах. Лауреат ряда литературных премий. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Казахстану.

* * *

«Когда солнце начнет скрываться за гору,
когда лягут от елей на длину копыа тени
и, как черные перья, падут на тропу,
тогда приходи к дереву,
там
ствол выщерблен молнией.
Я ждать тебя буду,
моя белая горлинка».

Может, так назначали встречу влюбленные
в племени саков в былом.

* * *

И день вновь прожит, и ночь покой свой в тебя вселяет,
И звезды дышат, мерцают звезды далеким светом.
И зов их вечен в ночном пространстве.
И горы, горы в сиянье лунном суровы, дики и величавы.
И в мире дети, забыв про игры, спят безмятежно.
Их встретит утро — росой и солнцем.
И все уснули в огромном мире.
Ну почему же тебе не спится?
Ты не тревожься. Ты нужен завтра.
Ведь в мире этом не все как надо.
И ты причастен к тому, что завтра должно свершиться
И что свершилось в огромном мире...

ЗВЕЗДА

Валерию Антонову

Представьте — в городе вечер.
Шел человек с работы.
Вдруг он звезду увидел,

Что вспыхнула первой в небе
В зимний субботний вечер.

Тихо звезда светила
Над городской суетой.

На точку далекую света
Смотрел человек. Улыбался.
Даже остановился
У шумного перекрестка.

Вот подошел зевака,
Зевака из любопытных:
— Что там такое, в небе?
Звезда, — человек
с улыбкой
Ему на вопрос ответил. —
Звезда, она нынче первой
Вспыхнула и не гаснет.

И люди вокруг столпились,
И все, на звезду глаза,
Не заметили даже,
Что в небе давно сияют
Такие же яркие звезды.

НЕГАТИВ ДОЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Засняли — мелькнули шторы.
Фотограф седой — учтив.
Быть белой душою в пленке,
Когда она — негатив.

В скрытой камере виден каждый,
Все вобрал в себя объектив.
Но белой душою в стоп-кадре
Обозначится негатив.

Знать, раньше иного срока
Перед всевидящим оком
Грехи небесами отпущены.
Душа моя белая сушится,
Пленкою
свесея
раскрученной.

Где белой души мгновения
Преломлялись сквозь призмы,
Период пройдет проявлений
В лабораториях жизни.

И вот вам — цветной портрет.
А белого света — нет!

ВСТРЕЧА С ИНОПЛАНЕТЯНИНОМ

Тебя не зная наяву, твое я чувствовал дыханье.
Дышала почва сквозь траву, небесный облегая камень.
И к месту встречи подойдя, на листьях пробудившейся березы
Вижу я не капельки дождя — пришельца человеческие слезы.

ТУРПОЕЗДКА

Сверял гексамером Афины,
Но не нашел, чего искал.
Передо мной одни руины,
На сто столетий опоздал.
В углу кофейни тихо сел я
Оплакивать свой древний путь...
Найти бы время,
«Одиссею»
Перечитать когда-нибудь.

ПЕСОК ВРЕМЕН

Там, у подножья Акрополя, видел я деву Эллады,
Она улыбалась, как будто слыша мелодию улиц.
Время ветром крошило камни холмов античного века
И песком золотым осыпало плечи смуглые девы.
Дева плыла по тропе, словно в галере, к амфитеатру,
Где музыка древних руин сливалась с дыханием моря.
Извещала афиша, что гастроль скрипача-виртуоза
Состоится в осенние дни — месяц и год нашей эры.

* * *

Не завидуй ближнему,
Не завидуй дальнему,
Что тебе отмерено,
Быть тому сполна.
Будут дни веселые,
Будут дни печальные,
Будет жизнь долгая...
Холмик. Тишина.

* * *

То день, то ночь
Моей клавиатуры.
Но — ты вошла
В мой небольшой сюжет.
Твои глаза,
Что звезды партитуры —

В сонате
Под названьем
Белый свет.

До смутного
Дотронешься лица —
И не найти
У повести конца.

То — день, то — ночь.
Тома литературы.
И — некто
Переходит в персонаж.
На шахматной доске
Рассыпаны фигуры,
И — разрушает
комнату
Трельяж.
Вновь не найдешь
У повести конца —
До смутного
Дотронешься лица...

В УЩЕЛЬЕ

По руслу река струится,
Катит небес дары —
Нисходит волною чистой
Синий воздух горы.

Луч солнца мелькнет в ущелье,
Плачет сквозь слой коры
Смола,
Что спешит к апрелю,
И стынет над спящей елью
Синий воздух горы.

Андрей Сутоцкий
(г. Мончегорск Мурманская обл.)

Андрей Михайлович Сутоцкий живет на Кольском Севере в городе Мончегорске, где в 1964 году и родился. Стихи пишет с детских лет. В юности уделял много времени театру, музыке (классической гитаре), миропознанию и, как следствию — когнитивистике. В зрелые годы подход к жизни стал более избирательным.

Литературный багаж составляют несколько стихотворных книг, а также публикаций в сетевых и печатных изданиях (альманахах): «45-я параллель», «Мурманский берег», «Литературный Мончегорск», «Золотое руно», «Москва», «Великоросс», «Зарубежные задворки», «Острова», «Скифия» (АЖЛ) и так далее. С недавних пор пишет фантастические рассказы, новеллы и миниатюры. Автор-исполнитель своих песен.

МИР ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ

Мир затонувших кораблей,
Твое молчанье мне по духу!
Здесь не умеют сожалеть
О том, что зарево потухнет,
Здесь память тиною обросла,
С глубин всплывая пузырьками,
Неся с собою адреса —
Неуловимые мельканья...
Зелено-серые штрихи,
Ошметки сгнившей парусины
Вплетаю я в свои стихи,
Что по-морскому пастой сини.
За акварелью акварель
В округлой рамке черной маски...
Но страх все ярче и острей,
Хоть не остры по цвету краски.
И мысль догадкой пронеслась:
«...а все же здесь не так уж тихо...»
Но тишина есть та же власть:
Топить в глуби любую прихоть.
А мне все грезится она —
Игра дублонов золотая,
Что смотрит россыпью со дна

На тень ныряльщика, пытаюсь
Прельстить, вниманье поглотив
И утопить в соблазне этом.
Эй, равнодушные киты...
...киты, всплывающие к свету...

...и отвоевывая высь
Работой ласт, как плавниками,
Я говорю себе: «...вернись!..»,—
Тремя воздушными глотками.

МИСТЕРИОЗО

1

В ночной тиши, когда орган ветров
Листы дерев не гладит сочным звуком,
Выходит в сад беспомощно аукать
Несмелый гость сомнительных миров.
Я чувствую его по мотылькам,
Что слепо бьются в окна мезонина,
По шепотку уставшего камина
И не закрытым стареньким замкам
Холодных комнат, влажных и немых,
Где правит дух садовых ароматов,
А на столах разрезанным гранатом
Все стынет память... посредине тьмы...
В ночной тиши, когда протяжный бой
Часов напольных так потусторонен,
Едва справляясь с отведенной ролью,
Я ощущаю в сердце — перебой...
Пусть лучше — ветер, ливень затяжной,
Чем тишина пустых пугливых звуков...
Уж не меня ли в темных закоулках
Ночного сада стережет чужой?

2

Под зеленым фонарным плафоном,
В желтом круге уютного света,
Зачинает короткое лето
Пикало комариных симфоний.
Серо-мокрой бетонкой перрона
Прочертилось мое ожиданье,
Не тревожимое шутами —
Академиками ироний.
Сеет дождь непроглядное «завтра»,
С циферблата смывая цифры.
Фармазон, Жоффруа и Анцифер
Мне поют философию Сартра.

До вагона иду неспешно.
Две минуты несу в запасе.
Романтизмом болеть опасно
В этой алгебре тьмы кромешной.
Экзистенция чистого духа
Мне дает основание думать,
Что оценит сие Фортуна,
«Доброй ночи...» шепнув на ухо.

3

Волна скольженьем легкого глиссандо
Шумит в камнях, разбрызгивая блеск.
Скажи, приятель, Пушкин Александр,
Как влиться в русский культурогенез?
Здесь, на холме, я вслушиваюсь в ветер.
Здесь, над водой, я всматриваюсь в даль.
Брат эфиопа, русскому ответь мне,
Пронзая время, Пушкин Александр...
И слышу я дыхание поэта
В дыханье волн, с холма взирая вниз,
Где мнут ракушки звучных междометий
Босые стопы будущих актрис.
А может быть, виной тому стихия,
Что, возбуждая русское в душе,
Дает героям мужество Ахилла —
Не изменять веков на рубеже
Стезе людей, что путь ведут от Рода,
Даруя Солнце смуглым племенам.
Бушуй волна! С тобой одной Природы
Мой русский дух до капли и до дна!

ПРОГУЛКИ ПО ГИПЕРБОРЕЕ

Там, в бескрайних просторах морошковых тундр,
Где пасутся веками гранитные сейды
На коротеньких ножках, я скоро найду
Верный путь к океану по Солнцу, на север...
Там пологие горы синей синевы,
Там безумные нойды застыли в камланье
И ложатся на камни небесные львы,
Что еще именуются облаками.
Выйду я к океану и шумный прибой
Принесет мне друзей — удивительных крабов,
Что начнут мне рассказывать наперебой
О подводных мирах, с человеком на равных...
И проявится сон из глубоких времен...
И поднимется Меру над черной водою,
Открывая врата светловласых племен,
Простирающих вдаль лучевые ладони.

И гляжу я на них, целиком поглощен,
И... теряюсь в словах, проходя пирамиды,
Будто это не я был вчера «просвящен»
Ритуалом мурманского псевдосемита.
В этих снах я постигну не азбучный мир;
Будут собраны знания мною, подобно
Сбору клюквы на бусы. И греческий миф
По Хибинам свои отпечатает стопы.
Буду слушать я музыку гор ледяных,
Снежных рун по апрелю разгадывать знаки...
И саамский колдун с невысокой стены
Отзовется на свет: «Дуг лу галь Аннунаки*».
В путь! на юг! по камням, по болотам-ручьям,
Проходя сквозь туман в неизвестное время,
Чтоб над тихим костром растворить в себе чай,
Погрузившись на час в травы цвета сирени,
Где олени стада, с легким стуком рогов,
Ковыляют по сопкам, съедая по строкам
Белоснежные коврики белых стихов,
Превращая стихи в угловатый петроглиф.
Я бы жил здесь веками, в холодной траве
Оставляя следы в виде тени и пепла...
Освяти же мне, Индра, чело меж бровей
Золотою Звездой заполярного неба!

* Дуг лу галь Аннунаки — говорит большой человек из рода богов Аннунаки (с шумерского)

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

НАРЗАН

Стал давно визиткой края,
От Создателя нам дан,
Как шампанское, играет
Исцеляющий нарзан.

Нет отбоя от клиентов!
Чтобы каждый получил,
Всю Систему элементов
В эту воду Бог включил.

И не жалко славословья,
Чтобы мне воспеть нарзан:
Это — сила и здоровье
Для возжаждавших всех стран!

* * *

Действительностью мы не дорожим!
И душу мысль с назойливостью студит:
Зачем-то от хорошего бежим,
Не думая, что лучшего не будет.

Я в поиске ответа на вопрос:
«А в чем же и мое предназначенье?»
Сейчас иду один в Долине роз...
И не ценю прекрасное мгновенье.

ЛЕРМОНТОВ И Я

Я говорю без лести и пророчества
Тут, как поэт, от первого лица:
У нас — и одинаковые отчества,
И русские в нас души, и сердца.

Жизнь и моя без жертвенности лоску,
И я, как он, поручиком служил...

Мне хочется походить быть на тезку
И тоже кое-что в стихах сложил.

И все бывшее ныне остается:
Мы и теперь ведомые судьбой,
И мне порой, бывает, не поется,
Когда я недоволен сам собой.

Опять вредят завистливые лики,
И я в борьбе за правды торжество...
Поэты мы: безвестный и Великий!
Прости меня за это хвастовство.

КИСЛОВОДСКИЙ ДОЖДЬ

Чаша неба легла в обрамление круч,
Одарив солнцем и бирюзой.
Пусть еще синева оставалась без туч,
Ни с того, ни с сего — дождь с грозой.

И зигзаги, вспоров голубой небосвод,
Оглушили раскатами грома,
Грязь смывало с асфальта потоками вод,
И они, как по телу истома.

Ну, а мне хорошо, я под крышей сижу
И природа сама тоже рада...
В общем — ливень кавказский, понятно ежу,
А дуга в небе — взгляду награда.

КУРОРТНИКИ

Курортный люд на терренкурах,
«Вперед и вверх!» — у них девиз.
Тут не бывает перекуров:
Дошел, отметился и вниз.

Им покоряются высоты,
А восхождение — их труд.
Презрев ландшафтные красоты,
Сосредоточенно идут!

НА ВЕРШИНЕ

Я — наверху! Со мною горы — вровень,
Не зря мечтал об этом с давних пор...
Небесный свод уже не хмурит брови,
Тоскою не туманится мой взор.

Немея, наслаждаюсь окруженьем,
Не видел я подобной красоты,
Забыв на время про стихосложение.
Пейзажи — величавы и просты.

Хоть сердце так с восторженностью бьется
И облака обходят стороной,
Но у меня язык не повернется
Сказать, что весь Кавказ тут подо мной.

ЖЕНЩИНЫ В КИСЛОВОДСКЕ

Они украсили все тропы,
В них — нашей радости исток:
Не только женщины Европы,
На терренкурах и — Восток.

Не посмотреть без придыханья,
Нельзя душой не возгореть...
Как от цветов, благоуханье
От нежелающих стареть.

ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

Там над вершиной — шапкою туман,
Здесь — белизна у снега без помарки...
И яркость солнца сводит всех с ума,
Слепит глаза сильнее электросварки.

Из лыжников — цветастый карнавал,
Склон — подтверждение
вечности движенья.
И я смотрю на каменный навал,
Не забывая про стихосложение.

Хватает впечатлений мне с лихвой.
А рядом он, что тут на всех — управа:
Как будто с поседевшей головой,
Царь гор Эльбрус вознесся величаво!

ГОРНАЯ ДОРОГА

Зря ли горною зовется:
И вблизи, и вдалеке
Вьется, вьется, вьется, вьется,
Словно пряжа на клубке.

Повороты, повороты,
Нет спрямленного пути...
Сразу тут узнают кто ты,
А за знание — плати.

Вот и кружит, вот и кружит,
Как судьба собой ведет...
Слабый духом занедужит,
Слабакам на ней — не мед.

Кто с характером, пробьется,
Над собой он — господин!
А дорога дальше вьется,
Как на елке серпантин.

В КОНЦЕ МАРТА

На южном склоне, где сошли снега,
Кусочки неба — синенькие проблески,
Тут, будто ударения в слогах,
Пробились из-под павших
листьев пролески.

К теплу и свету словно тянут руки,
Растут они, а рядом холода...
Так повелось: цветы у нас всегда
При встрече хороши и при разлуки.

Николай Почтовалов
(г. Петрозаводск)

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Николай Петрович Почтовалов родился в г. Лахденпохья (Карелия) 5 марта 1950 года. Сейчас проживает в г. Петрозаводске. Член Союза писателей России. Автор восьми сборников стихотворений.

УХОДИТ ДЕНЬ

Уходит день. В ночи одни вопросы.
Не тает снег. И корочка хрустит.
Глаза в ночи немножечко раскосы.
Любовь нечаянно, но все-таки грустит.
Висит луна — не лампочка, а лампа.
Немой подъезд. Чуть эха. Шепоток.
И тень моя — растрепанным эстампом
на стенке грязной — знай сверчок шесток.
Сугробен двор. Поземка. Я причастен
к вершенью судеб в комнате пустой.
И даже жить — могу решать отчасти.
Жизнь приняла, но, вроде, на постой.
Уходит день. Бессонница на страже.
Туманны мысли. Рвется сути нить.
Спокойной ночи мне никто не скажет.
Забьтсья и... за все весь мир простить.

НАДО ОДНОМУ...

Как незапятнанно суров я...
к себе... умеренно раним,
хотя и знаю, что — не ровня
тому, кто в памяти храним...
Я жду... отчаянно, тревожно —
еще безумства на лету,
но... чую — даже и подкожно —
причастность к желтому листу,
который, медленно, наивно
раскачиваясь на ветру
под взглядом, может быть, противным,

вписавшись в некую игру,
в пустопорожнее пространство
пытаясь отсигналить SOS,
раскачивает время странствий...
в которое меня унес
мой старый друг — противник спора
о том, что ж гложет изнутри...
Знать, время вовсе не опора
для тех, кто любит взаперти
сидеть и ждать... Умру от скуки
в пространстве верности уму...
Друзья протягивают руки,
но тут уж надо... одному...

АХ, ВЕТЕР...

Ах, ветер... просквози июнь...
В углу беда — с названием «паутина»...
И день молчит — так неизбежно длинный
у нас на Севере — не сдунь...
Брани меня — всегда готов.
Кручусь-верчусь: не онемели ноги,
хотя и... сбиты напрочь о пороги...
Был дом, а нынче просто — кров...
В глазу соринка: верно,— сглаз...
Но не прощу себе минутки страха,
ведь память не восстанет прахом,
похожим на простой заказ...
Не ветер глух — дыра, дыра...
сквозит, и годы пролетают мимо...
Как жаль, что за безумие простим мы
себе... Как солидарен страх...

НАСТРОЕНЧЕСКОЕ

Ветерок бесстыж и липок.
Солнце плещется в волне.
На песке десятки пипл,
подзасушенных вполне.
Неизбежно в капле моря
застывает янтарек.
И никто ни с кем не спорит
ни в строках, ни между строк.
За простором два простора,
а за далью снова даль,
будто в ящике Пандоры
не надежда, а печаль...
Я в заботливой ладошке
таю. Баюшки-баю...
Мама кормит снова с ложки.
Я судьбу не ем, а... пью...

ВЫЖИЛ

Словно не было меня,
а ведь был же.
Вот и в дверь опять звонят —
значит, выжил.
Значит, будет, не пройдет
даже мимо
жизнь. Не нечет это,— чет,—
объяснимо.
Да, и солнышко в окне
не растает,
хоть в несолнечной стране
в жизнь врастаю
и кручусь на кураже —
без завода,
только кучка сторожей
из народа.
Не мешают, но всегда
за спиною.
Вот, такая, вот, среда —
паранойя.
Но ведь не было ж меня...
А ведь был же.
Да, и в дверь опять звонят —
значит, выжил.

Геннадий Гоманчук
(г. Тула)

НЕТ ВКУСНЕЙ ВОДЫ

Инженер-электромеханик. Работал в оборонной промышленности. Публиковался в альманахах «На крыльях Пегаса», «Пегасик», «Ковчег», коллективных сборниках «Иван-озеро», «Ежи на площади Победы», в газетах. Автор книги «Деловой понедельник», сборников стихов «Гроздь рябины», «Ромашковый луг», «Яблоневый сад».

* * *

Деревне Ефимово

Нет вкусней воды, чем в бочке,
Вкопанной в родник.
Нет милей оживших почек,
Птенчиков возни.

Нету ярче грез сирени,
Тайных для меня.
Нет блаженной ивы тени
В звонком зное дня.

Глубже нет небесной сини,
Манящей стрижей,
Благодатней — грядок линий,
Ягод в неглиже.

Здесь цветов нет мальвы краше,
У родных мне стен.
Ничего нет в жизни слаще,
Чем их вечный плен.

* * *

Наверно, есть Вселенной дали,
Где среди черных дыр и звезд
Планеты чудные витают.
Планеты наших странных грез.

Там все летают непременно:
Акулы, чайки и цветы.
Поют медузы там отменно.
Но есть ли там для встреч мосты?

В родстве там бабочки и змеи.
Там прорастает в травах честь.
Блаженные ветра там веют.
А осень давняя там есть?

Там клена нет, что был так светел,
Твоих слезинок средь дождя...
Мне не нужны планеты эти.
На них и в прошлом нет тебя!

АВГУСТОВСКИЙ ДОЖДЬ

Лета спад. Срываю сливы.
В синеве роясь,
Туча зреет. Стонут ивы.
Хмурюсь с тучей я.

Дождь шумит. Стекая с крыши,
Капли вниз спешат.
Мерный шум, капель заслышав,
Пьет покой душа.

Солнце вновь. И пар над крышей.
Благостью омыт,
Сад теплом последним дышит.
Где-то гром гремит.

БЕРЕСКЛЕТ И МАЛИНОВКА

На тонкой ветке бересклета,
Встречая день, который год,
С весны до окончания лета,
Во славу дня, тепла и света
Малиновка вздохнул поет.

Внимая гимнам гости чудной,
Тот бересклет рос ввысь, мужал,
Шумел листвою, не очень скудной,
И в ливень с ветром, ночью смутной
Он гнулся лишь, а не дрожал.

Ушло тепло. Сентябрь и стыло.
Малиновка спешит на юг.
Наш куст слеза дождя омыла,
Лист розовый повис уныло.
Разлука. Где ж ты, милый друг?
И пусть метель и снега залежь,
Но бересклет певунью ждет.
Хоть ты от стуж изнемогаешь,
Как сладко ждать, когда ты знаешь,
Что вновь весна к тебе придет!

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

ДВОРЦОВЫЙ ВЕК

Родилась и живет в городе Тула. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре «Информационная безопасность». Сфера деятельности — автоматизация технологических процессов производства. Имеет многочисленные научные публикации, патенты на изобретения и на полезные модели. Стихотворения пишет с детства. Написано более трехсот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Также пишет в жанре крупной поэзии — написана «Поэма о дожде». Увлекается написанием венков сонетов. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания» и нескольких литературных эссе. Автор трех сборников стихотворений и сборы. Сегодня подготовлены и находятся в издании еще два сборника стихотворений. Имеет публикации стихотворений в журналах и альманахах Тулы, Твери, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Победитель различных конкурсов стихотворений. Награждена несколькими литературными медалями. Член Московской городской организации Союза писателей России.

I

Дворцовый век и воздух — роковой...
Не приведи,

Господь, мне снов провидца,
В которых пыль бульжной мостовой
На образа — забытые — садится.

Не дай мне, Бог, почувствовать раскол
На ближних и

на дальние неровни,
На тех, кем проклят царственный престол,
И тех, кто слов — смертельных — не проронит,—

На тех, кто сбросит

святость

с колоннад

И превратит соборы в бастионы,
На тех, кто душу вложит в Летний сад,
А не в подвал, где сгорбятся иконы,

Где в полный рост поднимутся руины.

Слова с делами — врозь.
И не едины.

II

Слова с делами — врозь,
И не едины
Никто ни с кем,
Когда во славе ложь.
...Влетает снег во двор один старинный,
Который так на чью-то жизнь похож,—

Сначала зал с балконной балюстрадой,
Потом острог и громкий револьвер.
И ни один прохожий за оградой
Печальных черт
 двора
Не рассмотрел.

...Граничит бедность с арками.
И вьюга
Резьбой на небо — строго,
 без прикрас —
Наносит точный профиль Петербурга
И тупит звездный
 розовый алмаз.

И видит с крыши крепости конвой
Волшебный свет над умершей Невой...

III

Волшебный свет над умершей Невой,
И обжитая ангелами площадь,
И шепот стен с трагической судьбой,
И под рукой трепещущие мощи —

Все свято,
И — от замыслов Петра
До отголосков —
 революционных —
Все живо — и
 скрип слышится седла,
И кровь густая бьется на коронах.

Не просто Санкт —
Носящий ореол
Степенный город, в голосе с молитвой,
Где много лет двуглавый пил орел
С руки, слезой — бесстрашия — омытой, —

Здесь в нерушимый символ обратимы
И в саркофаг спаявшиеся льдины.

VI

До тайн, едва раскрытых, не добраться,
Хотя здесь каждой встречей затаен
И впитан дух тогдашнего всесвятства,
Как впитан дух и нынешних времен...

...Канал замерз.
И детская дворовость,
С глазами верных
брошенных собак,
Опять на штык гвардейский напоролась
И обжила разрушенный барак.

Кому-то чин,
усадебная карета.
Кому-то — нож и тесный каземат.
И золотую лунную монету
Не одолжит богатая зима...

...И был свершен в тот день переворот...
И только ветер прошлого поет.

VII

И только ветер
прошлого поет,
И только вихрь —
крошащийся и колкий
Шлифует вновь гранитный переплет
Заиндевшей набережной Мойки.

Не только Спас построен на крови,
Кровавы все церковные кануны...
А говорят за Спаса — звонари,
У них на сердце — колокол чугунный.

Тот угол, где
алеет родонит,
Тот угол, где
застыла болью яшма,
Живых и мертвых запросто роднит,
Внушая, как
в течение жизни важно

Не перепутать с бредом самозванца
Псалмы от бед врачующего старца.

VIII

Псалмы от бед врачующего старца
И колдовство расплавленной свечи —

И все виденья — питерские — эти —
Как преломленье нескольких эпох.

Как будто город видится в разрезе —
Еще живут, ушедшие давно,
И не отбит еще снарядом вензель
У «Мариинки» — гордой — над окном.

Заворожит,
 привидевшись, не раз
Пусть то, что в лету кануло до нас.

XIII

Пусть то, что в лету кануло до нас
Увидят те, которым на планете
Еще придется

 жить,
Но не сейчас,
А через сто по сто десятилетий.

И если есть сплоченная семья,
Где нет чужих
 неродственных династий,
То счастье быть любимым не сменять
Ни на одно из многих прочих счастлих.

...Когда проснулась вечная Страна,
Ей заплели растрепанные косы
Голубоглазой Ладоги волна
И Прионежья месяц остроносый.

Здесь подчеркнет еще раз мой рассказ
Не город,
 а естественный контраст.

XIV

Не город, а естественный контраст, —
Здесь мы, а там —
 все те,
которых встретить
Нам слепота природная не даст
На этом белом — самом белом — свете.

И ясно все не будет никогда,
Но их и нас
 объединяет то, что
Они хранят ушедшие года,
И мы должны заботиться о прошлом.

Стремись всегда создать,
 а не убить,

